

тора Владимира Николаевича Блинова, начальника технического отдела Тамару Семеновну Журавлеву, начальника отдела кадров Вениамина Шевченко.

Пуском в эксплуатацию электроцеха надежно занимался его начальник Геннадий Петрович Портнов, благодаря Анатолию Александровичу Асташкину был введен в строй наш теплоцех, под началом Владимира Николаевича Еремеева было организовано компрессорно-холодильное хозяйство. А как же всем нам повезло с заведующей столовой Людмилой Петровной Аксеновой, которая всегда кормила нас по-домашнему вкусно!

Кропотливая кадровая политика, начатая задолго до ввода фабрики в действие, не просто принесла результат, а позволила сделать максимум возможного. Она и продолжилась, когда начался выпуск продукции. Я старалась приглашать как опытных профессионалов, асов своего дела, так и выпускников вузов и техникумов. Конечно, моей главной кузницей мастеров кондитерского дела оставалась куйбышевская кондитерская фабрика, а молодежь подбирали из пищевых институтов Москвы и Воронежа. Не подводили нас и выпускники нашего профтехучилища, которое мне вовремя удалось организовать, и к началу работы фабрики мы уже имели обученных, подготовленных работников.

«Шоколадка» – предприятие современное, оснащенное по последнему слову техники – давала прекрасные возможности сделать профессиональную карьеру. Неопытные новички со временем занимали ведущие посты, а одного из них после меня назначили генеральным директором. Это Алексей Павлович Хомяков.

Я счастлива тем, что мои молодые коллеги, по заслугам поднимаясь по служебной лестнице, никогда не проявляли себя как карьеристы, которых интересует только личный успех. Они, как и я, прежде всего всем сердцем болели за нашу фабрику, переживали за наши общие успехи. Была когда-то на слуху песня со словами: «Раньше думай о Родине, а потом – о себе». Не стану вдаваться в философскую дискуссию по поводу этой мировоззренческой идеи, скажу лишь, что для наших специалистов, которых я называю здесь, потому что уважаю и люблю, как родных, эта истина приобретала свое звучание: «Раньше думай о фабрике, а потом – о себе». Так мы и жили.

ТЮЛЬПАН В КОНСЕРВНОЙ БАНКЕ

Та самая шоколадная масса, которой в день пуска производственных линий мы радовались, как дети, на конечном этапе застывала и превращалась в блоки весом по пять килограммов – полуфабрикаты для всех кондитерских фабрик страны. Собственно, в тот момент это была наша основная продукция, для которой и закупалось итальянское оборудование, и весь проект

был нацелен на нее. Один из первых наших шоколадных слитков, как гордо мы именовали наш продукт, я отправилась демонстрировать в Куйбышевский обком партии – нашему первостепенному союзнику в сооружении фабрики.

Немного расстроилась, что презент получился не самым красивым: поднимаясь по лестнице, я не удержала это пятикилограммовое чудо, и оно слегка повредилось. «Еле донесла», – выдохнула я, водружая на стол нашу шоколадную гордость. Взглянуть на уникальный продукт, который уже получил куйбышевскую прописку и должен был стать одним из символов города авиационной и космической индустрии, собрались, наверное, все, кто был в обкоме.

Поздравления, неподдельное удивление: «Вот это да! Неужели такое чудо у нас делают?!». Тут же стали искать фотографа, чтобы запечатлеть новоиспеченную достопримечательность... Солидные люди, руководители различных направлений, обладавшие весомыми полномочиями, они словно почувствовали себя детьми, получившими подарок, о котором долго-долго мечтали. Я испытала новую волну счастья: задуманное свершилось, позади остались бессонные ночи, слезы, которых никто не видел; такие перепалки с нерадивыми поставщиками, что стены дрожали от бури эмоций; такое долгое напряжение, что казалось, оно никогда не кончится... И вот все это – в прошлом. Впереди – промышленное освоение продукции, вывод фабрики на проектную мощность. А между прошлым и будущим – ощущение космического счастья!

Вернувшись после этой первой презентации нашего шоколада на фабрику, вхожу в свой кабинет и замираю... Это сон? Сказка? Что за чудо?!

На моем столе полыхает огненно-красный тюльпан! Настоящий, живой... Он красовался не в красивой вазе, а вырос в обычной консервной банке... Я присела на стул рядом с этим чудом и не могла оторвать от него глаз. Тюльпаны обычно не имеют запаха, а от этого исходил тонкий аромат свежести, весны, обновления жизни. Боже мой, какая весна?! За окном-февраль! Найти живой цветок среди зимы в то время было нереально. В который раз за эти дни я чувствовала, что слезы текут у меня по щекам... Кто-то, мне неизвестный, заботливо растил этот тюльпан, ухаживал за ним, как за ребенком, душу вложил в надежде, что цветок расцветет именно в наши счастливые дни. И вот подарил его мне!

Трепетность этого дара тронула меня так, как никакие самые дорогие подарки. Я пыталась разузнать, кто же сотворил это чудо для меня. Расспросы секретаря и коллег ничего не дали. Мой даритель так и остается для меня неизвестным. А тот февральский тюльпан служит символом человеческой высоты: безымянное добро не имеет цены...

«РОССИЯ». И НИКАК ИНАЧЕ!

Куйбышевская шоколадная фабрика, несмотря на все проблемы, провалы начального этапа, конфликтную ситуацию в отношениях с поставщиками оборудования, локальные трудности, была построена всего за два с половиной года. Сроки рекордные для предприятия, не имевшего аналогов в отечественной индустрии. Больше того, оба отраслевых министерства – союзное и республиканское – практически не имели хлопот с возведением такого уникального объекта. Проблемы решала я сама, крайне редко обращаясь за поддержкой в Москву. Со стороны казалось, что фабрика в Куйбышеве строится спокойно, как то положено, без напряжения, от которого министерские чиновники прятались всеми способами.

Правда, один из руководителей профильного главка в последний момент попытался «поругать», но мне пришлось его пыл уговорить, поскольку кроме шума ничего путного от его участия не наблюдалось. Высокопоставленный чиновник, видно, затаил обиду и отыгрался на мне в свойственной номенклатурной среде манере. За сооружение и своевременный пуск в эксплуатацию шоколадной фабрики участники строительства были поощрены премией Совета министров СССР. Моя премия оказалась самой скромной из всех. Работники фабрики и строители узнали об этом (не от меня, разумеется) и возмутились таким отношением: «Раз так, то мы, Елена Васильевна, откажемся от наших премий! Нам стыдно получать их, когда с вами незаслуженно и неуважительно обходятся!» Люди почувствовали себя оскорбленными, значит, небезразлично им отношение ко мне. Разве может какая-то премия, пусть высокая, заменить то взаимопонимание, единство, что родилось у нас во время строительства! Мы были как одна семья, в которой поровну делятся и радости, и невзгоды. Вот что самое ценное в жизни, а не рубли! Об этом я говорила моим настоящим товарищам, когда они сообщили, что намерены отказать от вознаграждения. «Мы с вами построили фабрику! Другой такой у нас с вами не будет, – говорила я. – Это значит, жизнь прожита не зря! Так что давайте не будем про деньги...» Мне удалось уговорить людей принять все как есть и не устраивать из-за меня демаршей. Тем более сама я, будучи в Москве, и словом не обмолвилась по поводу моего просто смешного вознаграждения...

Настроение оставалось приподнятым и несколько возбужденным: после подписания акта государственной комиссии о вводе предприятия в строй нам предстояло дать имя новорожденной фабрике! Мало сравнить наши переживания, споры с теми, что бывают у родителей, когда они обсуждают, как будут звать их ребенка. Наш «ребенок» – особенный, уникальный, его должны знать не только во всем Советском Союзе, но и за его пределами...

Идей было много самых разных – очень серьезных, неожиданных, оригинальных, порой смешных. Как выбрать такое, чтобы было и весомым, и добрым, и всем понятным, не вызывало сомнений? Задача казалась неразрешимой, ведь, как говорится, о вкусах не спорят. Есть, наверное, у меня такое свойство, как прозорливость. Проявляется оно как будто совершенно неожиданно, сама не могу объяснить свой порыв, но именно с ним приходит озарение: вот то, что нужно. Вот в таком неожиданном порыве позвонила в Самарский райком комсомола – бывший Фрунзенский, где когда-то была первым секретарем: «Ребята, дайте яркое название нашей фабрике! Такое, чтобы все ахнули! Что-нибудь окрыляющее и неповторимое».

Просьба была выполнена уже через пять минут!

Беру телефонную трубку и слышу: «Рос-си-я!» «Рос-си-я!» Елена Васильевна, правда, замечательно звучит? «Россия» – и никак иначе!» Молодцы, комсомольцы! Прекрасно! Действительно, в этом имени и патриотизм, и душевность, и достоинство, и нежность...

Позвонила с этим предложением в обком партии, получила полную поддержку. Звоню министру пищевой промышленности России Алексею Петровичу Клеменчуку: «Молодежь предлагает дать фабрике имя «Россия!»

Министр отозвался моментально: «Лучше название и не придумать! Поддерживаю обеими руками! Так и передайте первому секретарю обкома».

В советское время равенство республик, входящих в СССР, порой оборачивалось непонятной стеснительностью со стороны руководства Российской Федерации, возникали опасения чем-то обидеть братские народы, задеть их национальное достоинство. И наполненное исторической гордостью слово «Россия» часто заменялось сочетанием «Российская Федерация» – сокращением от официального названия РСФСР. На этом фоне имя нашей фабрики стало прорывом: оно возвращало нас к национальным истокам, пробуждало гордость за свою Родину, ее историю и современные достижения. А как обязывает это имя! И в кошмарном сне я не могла допустить, чтобы где-то прозвучало пренебрежительное: «Фабрика «Россия» не выполнила план» или «у «России» есть недостатки»... Наши изделия должны быть такого уровня, чтобы на гордом имени фабрики не было ни одного пятнышка, ни единой помарки!

И мы ни разу не запятнали его. Больше того, продукция «России» быстро обретала популярность, становилась самой любимой в разных регионах страны, даже там, где успешно действовали местные кондитерские предприятия. Слово «Россия» было у всех на слуху, и его уже не избегали как в обыденных разговорах, так и в официальных речах. Добрый пример быстро расходится по земле. И вот уже Тростянецкая кондитерская фабрика, одна из лучших на Украине, оборудование которой также закупалось за рубежом, получила